

О военной лексике эпоса «Китаби-Деде Горгуд»

Икрам ГАСЫМОВ

Бакинский славянский университет

Кафедра современного азербайджанского языка

г. Баку, ул. С. Рустама 25, Азербайджан

ikramziyadoglu@mail.ru

On the Military Lexicon in the Epic “Kitabi – Dede – Korkud”

Резюме

Статья посвящена исследованию военной лексики эпоса “Китаби – Деде Горгуд”, в том числе лексико-семантических особенностей этого слоя. В связи с тем что героические мотивы преобладают в данном памятнике, здесь встречаются имена самых различных орудий и средств, а также их типов и частей связанных со сражениями той эпохи.

Проведена семантическая классификация военной лексики номинативного характера, проанализирована военная лексика с глагольной основой, отражающей военные действия, а также дана информация о функциональных особенностях этих единиц.

Ключевые слова: военная лексика, эпос, огузы, государственность, архаический фонд.

Summary

The article investigates the military lexicon of the epic “Kitabi – Dede – Korkud”, including its lexico-semantic features of this level. Due to the fact that the heroic motives dominate in this monument the names of very different weapons and other means of war. As well as their types and parts are observed here.

The semantic classification of the military lexicon of nominative nature has been carried out, the military lexicon with verb stem has been analyzed as well as the functional features of these units have been given.

Keywords: military lexis, epic, oghuz (tribes), statehood, archaic fund

Эпос «Китаби-Деде Горгуд», создает широкое представление, о большинстве тюркоязычных народов, об истории, быте, культуре, общественной жизни, этнографии, обрядах и ритуалах, национальной психологии и других особенностях, также дает возможность получить информацию, связанную с воинами, военным делом, занимающим существенное место в жизни этих народов. Эпос «Китаби-Деде Горгуд», состоит из двенадцати сказаний. Он является героическим эпосом – памятником, воспевающим храбрость, выносливость, мужество и преданность огузских воинов. Это воинство всегда одерживает победу над врагами и стихийными силами природы» (Abdulla, 1991, 10). Одиннадцать сказаний эпоса носит героический характер (Abdulla, 1991, 37). Именно по этой причине в большинстве сказаний эпоса находят свое отражение сцены воин различ-

ного характера, что становится основанием для формирования представлений о военной лексике тюркского, а также азербайджанского языка периода зарождения эпоса.

В словарном составе эпоса можно встретить лексические единицы различной семантики, связанные со сражениями того периода. Эти языковые единицы выражают и боевые орудия – названия первобытных орудий, их различные виды, процесс сражения, участников этого процесса, выполняемые ими обязанности, а так же понятия, связанные с государственностью и их атрибутами, детали боевых орудий и т.д. Разработка такого рода языковых единиц и их активность с функциональной точки зрения, в большинстве случаев полисемичность языковых единиц военных понятий, фразеологические словосочетания, способность подражания является показателем

того, что в период зарождения эпоса огузы обладали сильными традициями государственности, большую часть жизни проводили в сражениях, умели пользоваться на соответствующем уровне развития того периода всеми видами оружия и присваивали навыки сражения. Предъявление в различном построении лексических единиц военной семантики, встречаемых в языке эпоса, а так же их способность создавать сложные синтаксические конструкции является доказательством того, что эти слова сформировались с еще более древнейших времен и имеют возможности выражать самые различные понятия, связанные с военным делом. С этой точки зрения исследования военно-лексического состава языка эпоса, анализ, встречаемых здесь слов военного понятия, вовлечение их в исследование, группировка со структурной и семантической точки зрения, является одним из значительных и существенных дел языкознания.

В языке эпоса встречается множество лексических единиц с военной семантикой, исключительно огузского происхождения. Большинство такого рода слов по звучанию, значению и структуре, настолько соответствуют современному языку, настолько родственны, что нельзя не удивляться, что прошло множество веков с периода их употребления. Например: *alay* (полк), *gözcü* (наблюдатель), *yaraq* (вооружение), *yağ* (враг), *sancaq* (флаг), *çavuş* (часовой), *aqın* (нападение), *oxçı* (стрелец), *tuğulğa* (шлем) и др. Большинство такого рода слов вошли в военную лексику современного азербайджанского языка, а употребление других слов лишь порождает чувство сожаления. Нет никаких сомнений в том, что сегодня в период становления независимой армии есть необходимость в том, чтобы те или иные слова в точности передающие военные понятия вошли в военно-лексический слой нашего языка.

В языке эпосов «Китаби – Деде Горгуд» имеются такие слова, соответствующие уровню развития процесса сражения, воин, которые логически и закономерно остаются для азербайджанского языка архаичной функциональностью. Так сами понятия, выражающие слова – денотаты устарели, а в результате развития общества орудия и боевые средства стали неиспользуемыми. Но активно используются названия самых употребительных слов того периода как *sapan*, *cida*, *gürz*, *topuz*, *çotmaq*, *dəuənək*, *yay*, *ox* - первичных орудий, используемых в языке дастанов в процессе сражения. Интересно то, что в эпосе используются и названия отдельных видов военных орудий, их

частей, а также их другие значения, выражаемые в различных стилистических ситуациях. Это же является показателем зарождения этих слов в древнем периоде и способности их приобретать другие семантические нагрузки. В языке памятника употребляются названия большинства боевых орудий, оружия, активно используемых в тот период. С этой точки зрения, принимая во внимание те или иные особенности, сопутствующие военно-лексическому слою эпоса, их функционально-семантические и структурные типы можно сгруппировать следующим образом:

А. Лексико-семантические группы военно-лексического слоя номинативного характера.

В языке эпоса КДГ можно встретить множество слов и выражений с военной семантикой, характерных для того периода, более употребляемых в период его зарождения. Несмотря на то, что эти лексические единицы и выражаемые ими понятия проявляются в простой, примитивной форме они в силе выразить большинство боевых орудий, их частей, видов, понятий, связанных с боевым процессом, существующих и используемых в период зарождения дастана. Здесь, наряду с теми или иными понятиями боевых орудий, боевых процессов, находят также свое отражение различаемые по качеству виды, материалы, создаются определенные представления об общественной должности пользующихся теми или иными боевыми орудиями, служат для различения членов общества. Иными словами в обществе у каждого сословия имелись специфические боевые орудия. Например, если при сражении Караджа Чобан пользовался *сапандом* (*праща; рогатка*), дубиной, то сын хана Бугач бек пользовался золотой джидой, черной стальной саблей, белым луком. Или же для сына бека безирганов покупают *altı pərli gürz, ağ tozlu gətü yay* (шестопер, белый лук).

Те или иные действия, описанные в дастане показывают, что каждая проослойка пользовалась своеобразными оружием и у этих боевых орудий были определенные различия.

С этой точки зрения среди военных лексических единиц в дастане названия часто употребляемых орудий, боевых орудий еще больше и это естественно. Одиннадцать сказаний дастана по своему содержанию богаты героическими мотивами, а героизм больше всего выявляется в бою.

В отдельных сказаниях дастана пользовались специальными лексическими единицами, для различных и популярных для того периода наименований боевых орудий и средств, их видов.

Здесь оружие в общем смысле, боевое орудие всего рода называется *yaraq* (оружие).

Yaraqılı altmış adam gəliṛ. – Идут шестьдесят вооруженных воинов (113)¹.

Это слово, выражающее вообще боевое орудие, наряду с активным употреблением в тюркских языках, еще в VI веке перешло в арабский язык и употреблялся в этом языке. «Слово «*yaraq*», употребленное в стихах арабских поэтов VI века возможно ранее вошло в состав арабского языка» (2, 98).

Наряду с этим обобщенным названием в дастанах, употребляются и конкретные названия отдельных орудий. Они различаются по месту и виду использования.

В языке дастана употреблялись названия примитивных и простых для сегодняшнего дня орудий, как *qılıc* (мечь), *oq* (стрела), *yay* (лук), *süğü* (штык), *xəncər* (кинжал), *göndər* (низə) (копье), *çapan*, *gürz* (шестопер), но отличающиеся в свое время своей исправностью, более употребительные на боевой арене, без которых не представлялся боевой процесс. Большинство лексических единиц, обозначающих названия такого рода боевых орудий и средств, с малейшими фонетическими и семантическими различиями существуют в азербайджанском, а так же в большинстве тюркских языков. Но из-за того, что большинство их изменили свое значение и функции, изменилась и лексическая область, куда они относились и частота их употребления, функциональность и семантическое содержание в современном азербайджанском языке получили различные качества. Говоря иными словами, если военные орудия *süğü*, *gürz*, *çapan*, *göndər* (низə), активно употребляемые в период зарождения дастана, потеряв свою употребительность, перешло в архаический фонд языка, то названия орудий как *qılınc*, *ox*, *yay* меняя свою суть получили другие оттенки значений. Наряду с этим, необходимо отметить, что слова боевого характера такого рода привлекают внимание тем, что являются военными словарными единицами, относящимися к древнему периоду азербайджанского языка, и зарождают интерес в качестве военных лексических единиц периода зарождения литературного языка.

Все сцены сражений, описанные в дастане, не представляемы без названий этих орудий, во всех боях против врагов с умением пользовались этими орудиями, различными их видами. Даже большинство подражений, поговорок ставились

на основе названий этих орудий. Несколькими примерами из языка дастана мы сможем обосновать нашу мысль:

Çala bilən yigidə oqla qılıcdan bir çomaq yeg (32).

Dürtürkən ala göndərin ufanmasun (41).

Bir ağ tozlu qatı yay aldılar. Bir dəxi altı pərli gürz aldılar (53).

Qurulu yaya bənzər çatma qaşlumə (35).

Dərsə xan Qorqut sinirli qatı yayın əlinə aldı (37).

Так как сами боевые орудия, включенные в военно-лексический слой «Китаби Деде Горгуд» и их виды различаясь обладают различным качеством и областями употребления. Военные орудия различались по материалу, по форме и качеству. Например, в дастане мы встречаемся с названиями боевых орудий как *qara polad üz qılıc*, *yalın qılıc*, *qatı möhkəm yay*, *qarğu dillü üz süğü*, *altı pərli çomağ* обладающими и другими свойствами, которые отличны как по качеству, так и по отрасли применения. Все эти боевые орудия являясь орудиями, боевыми средствами и бьющей рукой храбрецов *ağca tozlu qatı yay*, *ay yeləkli ötkün ox* так же являлись их украшениями.

Наряду с названными орудиями и боевыми орудиями в языке дастана отражаются и названия отдельных их частей. Эти названия отличаются по своему качеству и материалу изготовления. Например, огузские воины для того, что бы держать запасные стрелы пользовались вешью, названной *sadaq* (кольчугой) и *tirkeş* (футиляр, для сохранения стрел):

Sadağında səksən oqın vergil mana (46).

Aqınçılının tirkeşi bağı, üzəngüsü qayıışı üzülür (90).

В языке дастана наряду со словами *sadaq*, *tirkeş* в значении футиляра для стрел, встречается и слово *kiş*. Можно предположить, что если *sadaq* является футиляром для сохранения припасных стрел, то слово *kiş* употреблялось в значении *ножных* стрел. Это может и являться футиляром для наконечников стрел:

Sadaqda oxun kizin dələg (108).

Огузские храбрецы стрелам прикрепляли специальные наконечники для обострения наконечника стрел, и получения нужного результата в сражении, что помогало для искусного использования стрелами в боях:

Üç yeləkli qayın oqlar atıldı, dəmrəni düşdi (50).

В языке дастана наряду с названием орудия *süğü*, использовалось и слово *sügilig*. Если встречаемое слово сюги, означает название боевого орудия, то сюгилик выражает часть – наконечник,

¹ Примеры приведены из «Китаби Деде Горгуд» (Составители: Ф.Зейналов, С.Ализаде). Баку: Язычы, 1988.

острие данного орудия. Например:

Məgə qocalar, sügüliyi ocağa qoun qızsin-dedi. Sügüliyi ocağa braqdılar, qızdı (101).

Можно встретиться и с названиями отдельных частей *сапана* (*рогатки*) используемого в бою. *Ауа* (*ладонь, горсть*) и *qollar* (*рукава*) сапана - весьма простого, древнего и примитивного боевого орудия являются его основными частями. Гараджа Чобан умело пользуясь этим боевым орудием с легкостью побеждает врага:

Çobanın üçyaşar tana dərindən *sapanın ayasıydı*, üç keçi tüyündən *sapanın qollarıydı* (48).

Здесь слово *ауа*, которое несет значение части *сапана* (*рагатки*), куда кладется камень, можно встретить и сегодня в некоторых тюркских языках и диалектах в значении *горсти*.

Употребляются слова *qın* (*ножны меча*), *balçağ* (*рукоятка меча*), что выражает название частей этого боевого орудия:

Anda eki qılıc var, biri *qınlı*, biri *qınsız* (102).

Kəndi qılıcın *qınına* soqdı. *Balçağından* ol qılıci bərk tutdu (102).

Если в примере значение слова *qın* понятно, то из содержания текста становится ясным и употребляемое в значении «рукоятки» слово *balçağ*.

В языке дастана можно часто встречаться с названиями, употребляемыми в боевом процессе, а также вдохновляющими бойцов, окликающими их в бой, большинством боевых орудий и символами, присущими огузскому роду. Все это дает возможность полностью и целиком описать боевой процесс. Например, в отдельных боевых сценах для того, чтобы вызвать храбрецов, воодушевить их в бой пользовались барабанами, трубами (из бронзы), литаврами (*nəğarə*, *tuc boru*, *tavil*, *kos* (*nağara*), *boru*), что извещало о начале боя или о подготовке к бою.

Gumbur-gumbur *nəğarələr* döğüldü. Burması altun *tuc borular* çalındı (50).

Gumbur-gumbur *tavıllar* çalındı (71).

Boru çalındı, *kos* uruldu (126).

Если звуки барабанов, труб, тавлов и косы приглашали огузских храбрецов в бой и к победе, то санджак, туг, алам, байраг (*sancaq*, *tuğ*, *əlam*, *bayraq*) считались его священными символами, они с почетом носили их. Эти вещи, являющиеся символами огузских племен обычно носили впереди, нести их удавалось лишь наисильнейшим храбрецам, а потеря равнялась поражению:

Qazan bəgün qartaşı kafəriñ *tuğilə sancağı* qılıcladı, yerə saldı (50).

Ağır *sancaq* götürəndə müsəlmanlar arxan olsun (54).

Qaba *əlam* götürən xanuquz kim (102).

Наблюдается семантическая близость в сравнении с современными языковыми единицами и встречаемыми в дастане древнейшими тюркскими словами *санджак*, *туг*, *байраг*. В словах санджак (знамя) и байраг (флаг) эта близость выделяется более ясно. Исконное азербайджанское слово байраг является общетюркским и обладает глубокой древней историей. Это слово в современном значении и в фонетических вариантах байрак/батрак (т.е. флаг), встречается также в известном произведении «Дивани-лугат-ит-турк» (XI век) великого Махмуда Кашкари - богатыря науки тюркологии. Слово байрак как в историческом, так и в большинстве современных тюркских языков употребляется в основном в одинаковом значении. По мнению исследователей «слово «батыраг-батраг-байрак» на основе семантико-структурной модели эволюции происходит из глагола батыр («батырмаг», «санджмаг» (т.е. вонзать, воткнуть, приколоть) (ср: в современном тюркском языке наряду со словом *байраг*, употребляется и слово *санджак* (булавка), производное от глагола *санджмаг* (приколоть)» (Mərdanov, 2001, 39).

Слово санджак, приобретая новое значение, в современном языке перешло в общеупотребительное слово, а его место заняло слово байраг. Встречаемое в дастанах слово «туг», порой выражает значение флага, символа присущего к отдельным племенам, так как, «на вышке туга обычно носился тотем, которым обладал и в которого веровал хаган» (119). А это в свою очередь доказывало, что употребляемое в эпосе слово *туг* по своей семантике отличается от слов *байраг* и *санджак* и носит различные значения.

Названия одежды боевого значения также отличались определенными показателями боев. Большинство употребляемых здесь названий одежд не носят исключительно военный характер, но большинство специфической одежды храбрецов, участвующих в бою носит защитный характер и из-за той или иной роли в боевом процессе привлекает большое внимание. Поэтому, можно принять такого рода слова в качестве военно-лексической единицы. Это также становится ясным из содержания текста, где употребляются данные слова. Такие военные одежды как *гафтан*, *чевран* (броневая одежда), *тугулга* (дабилга (т.е. каска)), *гушаг*, *демир тон*, *гаруджуг*, *гунт ишыг* (одежда броневая), *йен йага* (голчаг-йаха (нарукавник - воротник)) и т.д. помогали в боях защищаться от орудий врагов, для более эф-

фективной обороны. Так как такие одежды как *демир тон, човган, тугулга* являлись самыми эффективными средствами защиты от стрел, копья, штыков. Поэтому враги, увидев, что Газан хан приближается, готовятся к самообороне:

Kim atın binər, kim cövrən geyər (74).

или же отец Уруза при подготовке вместе с Газан ханом к бою против врагов говорит:

Əgni bək dəmir tonım saqlardım bu gün için,
Günü gəldi, yen-yaqalar dikhürəyim səninçün.
Başında qunt işiqlar saqlardım səninçün (70).

В другой ситуации же, когда Секрек готовится в бой для того, чтобы освободить своего брата из плена, и наряду с другой подготовкой

Dizcik, qarucıq bağlandı (112).

Из содержания приведенных образцов дастана становится ясно, что эти одежды одевали во время боев, и они носят военный характер.

Б. В военно-лексическом слое эпосов можно встречаться и единицами с глагольной основой, связанной с боевыми операциями. Наблюдения и анализ языка памятника показывает, что в период формирования и стабилизации нашего литературного языка в военно-лексическом слое было множество понятий и представлений, связанных с действиями, динамикой и в соответствии с ними языковые единицы в эпосе носят активный употребительный характер. В общем же «В специальной терминологической системе глаголы занимают важное место и отражают специальные процессы, не присущие существительным и прилагательным» (Словарь, 1980, 309). Принимая во внимание, что сражения и войны в жизни древних, общественных объединений носили постоянный характер, зарождение в языке терминов, выражающих военные понятия, проявлялось намного больше. Часть военных лексических единиц полностью терминизировались и стабилизировались в период зарождения эпоса в качестве специальной терминологической единицы нашего языка. Несмотря на то, что часть глагольных военных лексических единиц в тех или других моментах носят военно-терминологический характер, они не прервали связь с общепотребительным фондом языка, одновременно и употреблялись в качестве общепотребительной единицы языка. Верно, «Глагол по своему характеру, не отвечает на требования, предъявленные термину, т. е. требованию возможного абстрагирования при выражении тех или иных понятий» (Сороколетов, 1970, 311). Так как большей их части выражает действия и динамику, непосредственно связанную с военным делом, военными

операциями они могут войти в военный слой. Принимая во внимание мысль о том, что «глаголы из терминологической функции в первоначальном периоде формирования терминологии, по сравнению с его современным этапом еще больше выступали» (Даниленко, 1970, 44) также была научно обоснована в языкознании, потому и многочисленность глагольных военных единиц в языке эпоса не должно удивлять.

В языке эпоса наряду с глаголами и глагольной основой, с лексическими единицами военного характера, встречаются глагольные военные термины производные от имен. С этой точки зрения глагольные лексические единицы, связанные с военными операциями и процессами можно разделить на три группы:

1. Глагольные военные лексические единицы, именной основы;
2. Именные военные лексические единицы, глагольной основы;
3. Исключительно глагольные военные лексические единицы.

На первом месте в словах, входящих в первую группу стоит содержание имен, составляющее основу слова, а движение непосредственно формируется на основе этого имени: Например: *oxlamaq* (вонзить стрелой), *casuslamaq* (*уну-онство*), *qılıclamaq* (*передать мечу*), *tonatmaq* (*silahlandırmaq, yaraqlamaq* (*т.е.вооружиться*)), *sügiləmək, süsəlmək* (*korşalmaq*), *süsişmək* и т.д.

Quş uçurub, av avlayıb, oğlını *oxlayıb* öldürə görgil (37).

Kafərin casusu *casusladı* (42).

Sağ yanını *qılıcladı*, yerə saldı (50).

Qarğu talı sügilər ilə *qırışdılar*, meydanda buğa kibi *süsişdilər*, köksləri dələndi, sügiləri sındı, bir-birini almadılar (108).

Ala-ala göndərlər *süsəldi* (50).

Qılıc və sügü və çomaq və sair cənq alətin geydirib tonatdılar (120).

Входящие во вторую группу слова же, несмотря на то, что выражают значение номинативности, глагол в основе данных слов посредством семантики движения выражают наименование того, или другого военного понятия, встречающиеся в языке эпоса *giriş* (*döyüş*) (*бой*), *savaş* (*сражение*), *uruş* (*сражение*), *atış* (*стрельба*), *tutsaq* (*быть схваченным*), *taniq* (*свидетель*), *pusu* (*западня*), *aqın, keçit* (*проход*) и др. Военно-лексические единицы могут считаться военно-лексическими именами, сформированными на основе глаголов. Хотя часть их употребляется в современном азербайджанском языке (*yiürüş, atış, uruş, tutsaq, keçit*),

другая их часть немало отделилась от своей первичной семантики (*aqın, pusu, tanıq*) и превратилась в семантические архаизмы. Например:

Qanlı-qanlı sularдан keçit versin (103).

Turdi, Qazan bəgdən aqın dilədi *Aqın* verdi, çağırtı (110).

Qırış günü ögdin dəpər alpımız, -Salur Qazan (114).

Çoq zəmanmış, “Əgrək” deərlər, bir yigit *tutsağmış* (111).

Военно-лексические единицы, входящие в третью группу больше всего употребляются в эпосах и большинство их соединяясь с названиями отдельных боевых орудий образуют сложные глаголы или же глагольные сочетания. Такого рода глагольные военно-лексические единицы могут считаться терминизированными единицами языка, в результате приобретения военного значения внутри определенного текста или же в зависимости от ситуаций. В эпосе, наряду с использованием глагольных военно-лексических единиц как *urmaq, basmaq, dərtmək, tağıtmaq, dərsinmək, (qorxmaq), çəkişmək, düşürmək, aldırmaq (əsir vermək), dərilmək (toplamaq)* и др., используются и формированные в форме сложных глагольных и глагольных словосочетаний военного характера как *at dərtmək, qılıç çalmaq, aqın çapmaq, sügi sancmaq, oxa gəlmək, pusu olmaq, yau çəkmək, yürüş etmək, oqi yarmaq, borı çalmaq, borı ağırtmaq, nəqarə dökmək*.

Несмотря на то, что в значении такого рода глагольных военных терминов понятие движения сильно, имена соединяющие глаголы играют важнейшую роль в определении веса семантического значения и выявляют возможности применения этих боевых орудий.

В военно-лексическом слое эпоса «Китаби Деде Горгуд» наряду с вышеприведенными, используются и названия частей армии (*çəri, alay, ordu, qoşun, ləşkər*), военно-административное деление (*ağır-sərhad*), военные награды (*çöldi // çöndi almaq*), которые дают широкие возможности для представления боевого процесса, военных нападений.

Военно-лексический слой эпоса различается и по структуре. Здесь достаточно использованы военно-лексические единицы простого (*oq// ox, bək//bəg, ər, yau, çavuş, qın, sügi* и т.д.), составного

(*oxla, yağma, dəplə, döğüş, çəkiş, uruş* и т.д.) и сложного (*çəribəşi, bəglərbəgi, taraqa çatlamaq, sapan aayası* и т.д.) построения.

Все это еще раз доказывает, что эпос «Китаби Деде Горгуд» весьма богат с лексической точки зрения, и языковые единицы военно-семантического характера, составляющие одну часть лексического слоя с семантической и структурной точки зрения имеют различные особенности.

Выводы

1. “Китаби – Деде Горгуд” является безценным письменным памятником азербайджанского народа.
2. В словарном составе эпоса можно встретить лексические единицы различной семантики, связанные со сражениями того периода.
3. Учитывая те или иные особенности военно-лексическому слою эпоса, можно сгруппировать следующим образом:
  - а) лексико-семантические группы номинативного характера;
  - б) военно-лексические единицы с глагольной основой.
4. Военно-лексические единицы эпоса можно сгруппировать и другими параметрами.

Литература

- Abdulla K., 1991, *Gizli Dədə Qorqud*. Bakı: Yazıçı.
- Mahmudov M., 1983, VI əsr ərəb şeirində işlənmiş bir Azərbaycan sözü haqqında – *Azərbaycan filologiyası məsələləri*. Bakı: Elm, 94–101.
- Mərdanov M., Quliyev Ə., 2001, *Azərbaycan Respublikasının dövrlər rəmzləri*. Bakı: Çarşıoğlu nəşr.
- Məmmədov Y., 1984, Müstəqilliyini itirən köklərin çoxhəcalılığa doğru inkişafı haqqında – *Azərbaycan filologiyası məsələləri*. Bakı: Elm, 59–66.
- Словарь иностранных слов*. Москва: Советская Энциклопедия, 1980.
- Сороколетов Ф. П., 1970, *История военной лексики в русском языке*. Ленинград: Наука.
- Даниленко В. П., 1970, Терминологизации разных частей речи (термины-глаголы). – *Проблемы языка науки и техники*, 40–51.